

Дмитрий МИЗГУЛИН

Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ФИЛОСОФ

1.

Впервые мне довелось увидеть Александра Ивановича Казинцева в Ленинграде на встрече с редакцией «Нашего современника» во Дворце железнодорожников. Было это в 1989 году...

Это сейчас есть «Русское радио» и водка «Русский стандарт», да и вообще много чего сейчас стало «русским» по названию, а не по сути, а тогда слово «русский» было не то чтобы запретным, но как-то не особенно употреблялось. То есть все мы и наши достижения были советские и потом уже латышские, узбекские, татарские... До русских как-то не доходило. А авторы «Нашего современника» — особенно в публицистических работах — наоборот, пустили в ход русскую тему — тем более в то время была очень актуальная проблема — поворот сибирских рек в Среднюю Азию. Среди выступавших помню Станислава Куняева, Фаттея Шипунова, Михаила Антонова, Карема Раша...

Обстановка была накалена до предела, зал гудел, требовал равноправия русского народа и создания русской (российской) компартии в составе КПСС...

СМИ наутро окрестили эту встречу фашистским и антисемитским шабашем, хотя до сионистов дело не дошло.

Но это был определённый прорыв — слово «русский» зазвучало наравне с «узбекским», «украинским», «татарским» — то есть почти легализовалось.

Казинцев отличался от выступающих не только молодостью, но и каким-то внутренним спокойствием и достоинством, что на фоне яркой митинговой публицистичности и напора иных моих кумиров делало его заметной фигурой. В нём были уверенность и спокойствие.

Я в те времена учился на заочном отделении в Литературном институте на семинаре у прекрасного поэта Александра Межирова. Он, кстати, нередко приглашал нас к себе домой. Мы пили водку у него на кухне, читали стихи и слушали мэтра... Поэт был уверен, что самый главный вопрос в мире будет национальный... Так оно и вышло.

Я помаленьку варился в литературной среде, часто бывал в Москве и иногда — с оказией — передавал рукописи в редакцию журнала от моих писателей коллег — лично в руки Александру Ивановичу.

Кого я только не встретил в редакционных стенах... Всю русскую литературу.

Почему-то запомнился мне Эдуард Лимонов — он был в чём-то клетчатом и жёлтом, а я сидел и слушал их беседы, «из чаши их бессмертье пил».

Могу уверенно сказать, что Казинцев был и остаётся кумиром моей литературной молодости. Именно он олицетворял для меня и «Наш современник», и русское духовное возрождение.

Повторюсь — ни в нём, ни в его работах не ощущалось политического внешнего напора, или, точнее сказать, надрыва, а была какая-то внутренняя энергетика, а сам он отличался «лица не общим выраженьем».

После кончины нашей Родины мы разлетелись кто куда — кто во власть, кто в бизнес, кто в тюрьму, кто в затвор, кто в могилу...

Я перешёл на классику, а бережно хранимые мной ранее архивные номера оппозиционных изданий пустил на растопку и закрутку веников, что отечески одобрил побывавший у меня в гостях в Старой Ладоге патриарх русского возрождения Станислав Юрьевич Куняев.

Ни с кем из литературного мира я не общался, нигде не печатался, а в 2001-м и вовсе уехал из Питера в далёкий заснеженный Ханты-Мансийск.

Думал: тут уж культурное затишье. А оказалось всё ровно наоборот.

Губернатором Югры тогда был Александр Васильевич Филиппенко — выдающийся государственный человек. Я таковыми считаю людей, не только успешно решающих текущие задачи, но и мыслящих на перспективу 20–30 лет вперёд. Он и сам был высокообразованным начитанным человеком.

При его руководстве в Югре был культурный бум. Фестивали, концерты, выставки, семинары, конкурсы... Кто тут только не побывал — и Гергиев, и Михалков, и Пьер Ришар, и Кшиштов Занусси, и Сергей Соловьёв, и Табаков, и Евтушенко, и Станислав Куняев...

Словом, культурное столпотворение. Здесь же, в Ханты-Мансийске, я познакомился с поэтом Андреем Шацковым — референтом министра культуры России, и там же возобновилось моё знакомство с приехавшим на какое-то мероприятие Александром Ивановичем.

Многое было сделано тогда. Был и выездной пленум Союза писателей России. Мы плыли на корабле из Сургута в Ханты-Мансийск. Помню звёздную ночь, чёрную воду, бортовые огни — и яростный спор двух русских гениев Личутина и Куняева, закончившийся с первыми отблесками зари...

Было великолепное интервью Казинцева с губернатором Филиппенко, были совместные издания, а самое главное — наши встречи и в Югре, и в Питере, и в Москве...

Как будто вчера мы встречались на юбилее Казинцева, в Доме писателей в Москве. Наш общий друг Александр Смирнов пригласил замечательного

артиста Леонида Серебренникова в качестве музыкального подарка... Прозвучали русские романсы — и Казинцев с сожалением вспомнил: а ведь мы когда-то были по разные стороны баррикад...

Интересное было время. Теперь и баррикад нет. Но появилось племя людей, у которых ничего нет кроме ДОЛЖНОСТИ — ни образования, ни профессиональных навыков, ни житейской мудрости, ни знаний, ни культуры, ни совести, ни чести.

Беда пришла откуда и не ждали.

Но Казинцев это предчувствовал и предвидел. В фундаментальной работе «Возвращение масс» можно найти объяснение тому, что происходит сейчас. И тому, что ждёт нас завтра.

Из кумиров моей молодости Александр Иванович превратился в самого почитаемого мною мыслителя. Могу с уверенностью сказать, что Казинцев самый русский и самый глубокий философ современности. Есть авторы, превосходно и безупречно знающие историю. Они заваливают нас фактами и статистикой. Есть пламенные публицисты, реально оценивающие события сегодняшнего дня. Есть удачливые предсказатели. Но мало кому удаётся органически соединить три стихии — прошлого, настоящего и будущего в единое пространство Бытия и осмыслить, с молитвой, Русский Космос.

Дорогой Друг!

Многие и Благая тебе Лета. Посвящаю тебе стихи:

По пустыне ветер веет,
Веет ветер суховей.
Сорок лет водил евреев
По пустыне Моисей.

Чтобы с прошлым все простились,
Чтоб сбылось, что не сбылось,

Чтобы те понародились,
Кем быть в рабстве не пришлось.

Все мы тоже лиходеи,
Но напрасно не вини.
Мы ходили, как евреи,
Даже больше, чем они,

И брели по белу свету,
И рождались не зря,
И узрели — по приметам
Не пророка — но царя.

Не Закхей и не Иуда,
Фараон — ни дать ни взять,
Ну и нас ещё покуда
Он умеет вразумлять.

Полетят ракеты наши,
И вернётся та пора,
И наварим снова каши
Мы для всех из топора,

Супостатов одолеем,
Все мытарства нипочём!
А при чём же здесь евреи?
Слава Богу, ни при чём.

Подморозило, однако,
Откатился мир ко сну,
И голодная собака
Грозно воеет на луну.

2.

Последняя наша встреча состоялась 18 ноября 2020 года в Питере, куда он приехал с супругой Ниной по сложившейся доброй традиции, как член жюри и оргкомитета премии им. Бориса Корнилова.

А 19 ноября он уже отписался мне из Москвы.

Дорогой Д. А.!

Спасибо за три волшебных дня в Петербурге. Неделя прошла, а мы всё не расстаёмся с ним. Смотрим карту, путеводители, фотографии, вспоминая наши хождения по городу.

Мы бродили по Питеру днём и ночью, особенно запомнилось сидение в сквере Русского музея. Пустая площадь, драматически изогнутые старые деревья — и — дворец. Увидели где-нибудь в Вене — и восторжались бы всю жизнь. А своё — привычно. Но тут, ночью, всё смотрелось по-другому, и мы насладились классической красотой.

Кстати, сегодня услышал по Евроньюс, что какой-то знаменитый зарубежный солист назвал Петербург одним из самых красивых городов, живущих по законам красоты.

Не помешала даже сумрачная погода. А в последний день, когда мы пошли во Владимирский собор, развиднелось, хлынуло солнце и в голубом небе сияли золотые купола.

В предыдущем письме я звал Вас в Белозерск на открытие музея «Нашего Современника». По Вашему молчанию догадался, что Вы приехать не сможете. Ничего страшного.

Ещё раз спасибо.

Ваш А. Казинцев.

Нина Алексеевна шлёт Вам поклон...

Утром 7 декабря мне позвонили из Москвы и сообщили, что Александр Казинцев умер.

В это невозможно было поверить, ведь виделись — буквально вчера — в Петербурге, на вручении премии им. Корнилова...

На вечернем банкете мы оказались за одним столом — Максим Замшев, Юрий Козлов и я. Александр Иванович подошёл попрощаться — уходил пораньше — улыбаясь, как обычно, — приветливо, солнечно, немного загадочно — с присущим ему чувством внутреннего такта: — Извините, что прерываю вашу беседу... Разрешите попрощаться...

Оказалось — навсегда...

В январе 2020 меня наградили премией журнала «Наш современник». Не скрою — очень приятно. Неожиданно (хотя и давно общались) позвонил Казинцев.

— Дорогой Димитрий Александрович! Поздравляю! Ждём на церемонию вручения...

А у меня, к сожалению — в эти дни дела. Да ещё непереносимые... Да ещё за рубежом... Никак не успеть.

А очень хотелось в Москву, повстречаться со старыми друзьями и замечательными людьми... Но — увы...

А вскоре, в феврале, премия Н. Лескова, и вдруг звонок от Казинцева: — Знаю, что Вы будете в Москве... Если не возражаете, объявлю о Вашем награждении...

Ну, неужели я был бы против!? Тем более, грешен, славу люблю.

Однако тут я выступил с инициативой. Дело в том, что лауреатам, как правило, вручается конверт, и — на память — экземпляр журнала с объявлением о премировании. А Диплома лауреатского нету.

— Дорогой Александр Иванович! Благословите изготовить Диплом персональный от «Нашего современника». А то народ не поймёт, что к чему. Объявите, вручите номер журнала с объявлением — и всё. А Диплом — серьёзная вещь. На стенку можно повесить. Ну и в инете фото разместить...

Александр Иванович, немного подумав, согласился.

В феврале, а в Доме писателя на Комсомольском вручали премию им. Н. С. Лескова и Словес связующая нить — писателям и переводчикам.

Вокруг меня в президиуме царила привычная суета, но подошедший Казинцев, улыбаясь, напомнил про диплом.

Диплом у меня уже был изготовлен и вставлен в рамку под стекло.

Его я и передал Казинцеву для торжественного вручения.

— Давайте, Александр Иванович, в самом конце...

Ну и, конечно, забыл про себя.

Закончилось всё. Лауреаты дают интервью.

Подходит Александр Иванович. Извиняюсь.

— Ну, давайте в следующий раз, — говорит.

В следующий раз встретились в Овстуге, в тютчевской усадьбе, 6 августа.

Ох, уж этот август — в дворянских усадьбах: в парках — тишина, покой, фундаментальная умиротворённость, лёгкая печаль и ощущение тревоги...

Александр Иванович стал лауреатом конкурса «Мыслящий тростник» и мне, как организатору, вручающему ему награду, вроде как-то неудобно было получить этот самый диплом из его рук. Хотя я и привёз его в своём чемодане.

Зато пообщались мы с Казинцевым — вдоволь... Гуляли по парку, смотрели на жёлтое здание усадьбы, на голубое небо, на белых тютчевских лебедей, а вокруг шумела тяжёлая спелая листва.

Откуда было знать, что это наша последняя обстоятельная беседа...

Казинцев был классическим русским собеседником — в моём понимании. Он, практически, никогда не спорил и не возражал. Всегда внимательно, доброжелательно, сосредоточенно слушал. Улыбался, кивал, казалось, одобрительно. А потом, когда уходила, не оставляя следа на песке, волна моего красноречия, начинал говорить издали, не совсем о том, о чём я толкал речь.

И вот уже незаметно, но вполне основательно выстраивал стройную, основательную логическую конструкцию, на полке которой аккуратно выстраивались, как книги, все противоречивые реальности только что обозначенные мною.

Август. Дворянская усадьба. Широколиственные аллеи. Тютчев. Казалось, всё впереди.

Да так оно собственно и было...

Говорили мы в этот день бесконечно и очнулись уже на перроне Брянского вокзала — где сердечно и простились — потому как ехали в разных вагонах...

Обычно в июле-августе я через моего друга Андрея Шацкого передавал подборку своих стихов в «Наш современник». Казинцев — что-то отбирал для публикации, а тут вдруг позвонил.

24.08. я получил от него электронку.

Дорогой Д. А.! С удовольствием прочитал Ваши стихи. Составил подборку (далее шёл перечень стихов). Сдаю в сентябрьский номер.

Я тут же поблагодарил его.

26.08 он ответил: «*Рад послужить талантливому и симпатичному человеку.*»

«*Пользуясь случаем, похвастаюсь, в Литгазете вышла подборка моих стихов.*»

10.09. он поздравил меня с Днём Рождения: «*Ваша подборка в Литгазете хороша. Р. С. в нынешнюю холодину приятно вспомнить тёплые дни в Овстуге.*»

22.09. по поводу моего приглашения в Питер на церемонию вручения премии Б. Корнилова, он отписался: «*Сегодня вернулся из Ростова, где проводил школу молодых писателей Ю. Ф. О. рад весточке от вас. Готов принять участие во всех Ваших начинаниях. Просьба информировать — в октябре-ноябре много мероприятий...*»

В ноябре в Питере, в библиотеке им. Маяковского, на Фонтанке, состоялось вручение премии им. Бориса Корнилова.

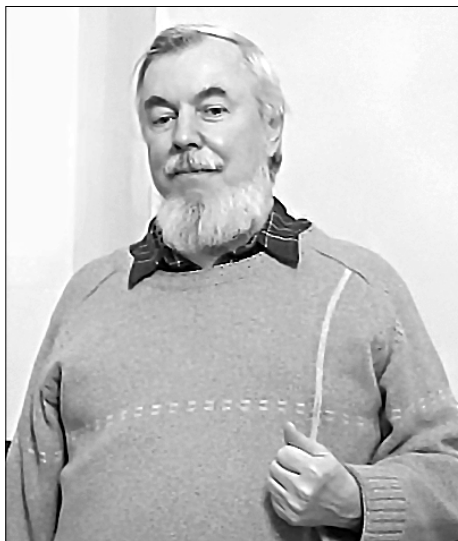
В здании библиотеки шёл масштабный ремонт, стучали молотки и завывали дрели... Всё было как-то зыбко и временно — мы немного пришиблен-

ные и встревоженные — масштабом пандемии — в масках. Мой друг поэт Алексей Ахматов накинул маску на бюст Маяковского. На всякий случай.

Александр Иванович немного опоздал и категорически отказался занять место в президиуме — сел в первом ряду.

Я, памятуя о дипломе, который уже жёг мне руки — аккуратно подсел рядом с Казинцевым, сообщил ему о предстоящей миссии, которая и была выполнена в конце мероприятия...

Последнее, слышанное мною, выступление Казинцева было достаточно горьким — он сокрушался о творчестве молодых литераторов, отмечал их обособленность от общественных и социальных проблем, о чрезвычайном и неоправданном погружении в личное...

Александр Иванович Казинцев — явление в русской культуре, в русской общественной мысли. Философ, историк, литературовед, литературный критик, педагог, поэт — и всё это не фрагментарно, пунктирно, — а органично и едино.

Он был удивительно цельным человеком.

Ещё раз повторю — прошлое, настоящее и будущее для него не были абстрактными категориями, а были живыми субстанциями, перетекающими из одной в другую.

Прошлое, настоящее и будущее — это взаимособобщающееся сосуди — эту очевидность признают немногие. И им, немногим (в их числе и Казинцев) — дано понимание сути происходящих событий, осознание произошедшего ранее и, главное, понимание того, что ждёт нас завтра.

Казинцев осознавал и чувствовал целостность русского космоса — от великих исторических событий до переживаний конкретного человека,

от незримой всёсокрушающей энергии масс — до движения речных вод, шелеста листвы, цветения сирени и шёпота снегопада — всё органично соединялось в нём, в его понимании единого движения русской души, предопределения русского пути...

Такого единого понимания событийности русского мира ни у кого нынче нет, да и, похоже, уже никогда не будет.

Все мы — разрозненны, разведены, атомизированы, да к тому же ещё агрессивны и невежественны...

Казинцев же как мыслитель был многогранен и, одновременно, органичен во всём.

Все его многогранности складывались и уживались в его мыслительном пространстве. Его ничего не раздражало, не смущало, не мешало восприятию сущности бытия.

В своей фундаментальной работе «Возвращение масс» он от публицистики новостного ряда естественно, незаметно переходит к масштабным философско-историческим обобщениям, тщательно обрисовывая контуры общественного политического обустройства будущего мира...

Нравилось ему это будущее или нет — второй вопрос. Но как исследователь Казинцев никогда не трактовал события и факты в пользу какой-то своей придуманной теории — он, как исследователь, органично встраивался в существующую действительность, объясняя процессы и явления, происходящие в ней, искренне веря, что это понимание происходящего даст возможность что-то изменить к лучшему в будущем. Для русских людей и для человечества в целом.

Гоголь о Пушкине. «Это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет».

Вот Александр Иванович и явился. Но опять — в единичном экземпляре. Казинцев — это тип русского человека, который, похоже, не появится уже больше никогда...

Для сегодняшнего дня характерно «фасадное» мышление.

Мы путешествуем в наших общественно-социальных и литературно-философских мирах, как туристы на автобусной экскурсии в большом и красивом европейском городе. Ну, скажем, в Питере.

Едем в автобусе и видим из окошек (иногда не мытых) великолепные фасады дворцов, музеев, театров — и рассеянно слушаем экскурсовода. И так вот, галопом, с наскаку осознаем год постройки, эпоха, архитектор, стиль и т.д.

В общем-то, и всё.

Ну, выйдем ещё, сфоткаемся на фоне исторических красот.

Выложимся в сетях — и далее.

Да и экскурсовод рассказывает то, что есть в путеводителе — кратко — и ни о чём.

А во дворцах-то внутри бесконечные анфилады комнат, внутри которых — восхитительные интерьеры, замечательные произведения искусства,

а главное — там, в этих комнатах жили целые поколения людей — и вот судьбы эти, мир этот, наверное, и есть самое главное...

И вот Казинцев-то и вникал в эту суть, он в своих рассуждениях органично соединял этот русский мир — жизнь и судьбы людей, историю, философию, — он встречал нас в парадном подъезде и вёл через бесконечную анфиладу комнат русской культуры, рассказывая, объясняя, осмысливая вместе с нами этот прекрасный и яростный мир.

Наша русская мысль и русский взгляд нынче свёлся к двум ипостасям.

Русские люди — ангелы небесные, богоизбранный народ.

Собрали урожай и сидим на снопах пшеницы, наигрывая на гусях...

А подлые иноземцы (половцы, евреи, масоны, госдеп и т.д.) норовят отобрать у нас урожай с гусями в придачу. Плохих правителей подсовывают нам. А хороших убивают.

Или наоборот — Россия — отстой, русские — дебилы, Запад — колыбель цивилизации и там всё вау...

Вот собственно и всё осмысление текущего процесса (общественно-политического, социально-экономического и историко-философского).

Скажем, обсуждение футбольного матча Спартак-Зенит вызовет большее вариантное разнообразие.

А ведь беда в том, что без серьёзного проникновения в исторический материал невозможно понимание процессов сегодняшнего дня. И тем более невозможно заглянуть в день завтрашний.

«Человек хочет знать результат, не утруждая себя пониманием того как, за счёт чего результат достигнут... Подавай итог, остальное неважно», — пишет Казинцев в своей фундаментальной работе «Возвращение масс».

Может, от этого все наши общие итоги были неутешительны для каждого из нас.

Трагедией нашего времени стало отсутствие думающих людей. Казинцев с горечью отметил, что за книгу «Возвращение масс» он получил только шесть письменных отзывов. Если учесть, что один — мой, то всего пять (!!).

На всю страну, которая недавно была самой читающей в мире! На весь русский мир!

«История не бесстрастный регистратор. Это осмысленная, деятельная, одухотворённая сила», — пишет в том же труде Казинцев.

Как жаль, что многие из нас (или из тех), кто считает себя властителями дум и сильными мира сего, на самом деле пребывают вдалеке от этой «одухотворённой силы», — от русского исторического процесса, сегодняшнего бытия и завтрашнего исхода.

Плывут где-то в стороне, по заросшей протоке личной наживы, безнаказанного самовластия и дешёвого пиара — в беспросветном тумане беспамятства — и впадает эта протока не в русское море, в болото лжи, предрассудков.

В болото, в котором сгниёт любая вольная рыба да и жабам будет не комфортно в том гниющем отстое.

Поэты уходят тогда, когда заканчивается их время. Ну и мыслители — тоже. Собственно время нашего поколения закончилось. И для философов и для вождей. Чисто в физиологическом плане.

И, собственно, завтрашний день будет безраздельно принадлежать тем, кто идёт за нами.

Будущее страны — в их руках (и головах). Будут ли они вместе с Казинцевым (Достоевским, Пушкиным и.д.) под музыку Чайковского осмысливать русский путь, осуществляя технологический прорыв державы или вместе с новыми племенами, осваивающими русскую землю под звуки бубнов и барабанов водить хороводы вокруг костра — покажет завтрашний день.

Но, как говорил Некрасов, — «...жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся — ни мне, ни тебе».